

Яна Егорова

Дело
о клубничном
пирогe

Эрнестина
Вольф

Уютные детективные истории

Современный детектив

Яна Егорова

**Эрнестина Вольф. Дело
о клубничном пироге**

«Егорова Яна»

2020

Егорова Я.

Эрнестина Вольф. Дело о клубничном пироге / Я. Егорова —
«Егорова Яна», 2020 — (Современный детектив)

В европейский город на берегу Балтийского моря прибывает мадам Эрнестина Вольф. Волею случая, женщина вместе с помощницей останавливается в квартире дочери своей подруги. Вольф, на первый взгляд, обычная старушка, которая умеет стильно одеваться и знает толк в еде. Ей всего-то необходимо переждать несколько дней, пока в ее собственной квартире закончится ремонт. Казалось бы, жизнь в приморском старом городе будет тихой и спокойной, но нет. Уже следующим вечером в доме, где всего три этажа и десять квартир, происходит несчастный случай. Так это выглядит на первый взгляд, пока врач скорой помощи не проговаривается любопытным соседкам, что старушка, на вызов к которой они приехали, была отравлена крысиным ядом. Суток не проходит, как в том же подъезде происходит вторая смерть. И снова пожилая дама. Что это? Охота на старушек, войны соседей или случайность, обычное совпадение? Эрнестина Вольф, вдова, которую не просто так выслали из Франции на ее родину, с радостью берется за дело. В раскрытии тайны убийства ей помогает маленький рыжий шпиц, палки в колеса ставит собственная помощница, а еще на горизонте появляется грубый незнакомец преклонных лет с бассет-хаундом без поводка...

© Егорова Я., 2020

© Егорова Яна, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Яна Егорова

Дело о клубничном пироге

Глава 1

Поздним вечером четверга в старую часть европейского города на берегу Балтийского моря въехал черный минивэн. Жесткая новая резина периодически проскальзывала на дороге, выложенной из крупного камня, свезенного в город со всей страны столетия назад. Покрытие было неровным, пассажиров авто постоянно подбрасывало в комфортабельных кожаных сиденьях.

– Вы на месте, улица Кауплемине тридцать один, – сообщил голос из навигатора, прикрепленного сразу возле руля водителя.

Автомобиль остановился на узкой улочке между старинными домами постройки шестнадцатого века. Невысокие модные фонари, помимо машины такси, были здесь единственным напоминанием о современно мире. Обычные палки и матовые белые плафоны цилиндрической формы на конце. На низких подоконниках разноцветных двух- и трехэтажных домов, в деревянных подставках цвела розовая бегония. Снаружи было холодно, но уже вовсю пахло летом – традиционный конец мая в этой части света.

– Вы поможете нам с чемоданами? – раздался голос пожилой женщины. – Второй этаж. Разумеется, за вознаграждение.

Водитель, выходец из одной из стран Южной Азии, говоривший исключительно на английском языке, коротко кивнул в знак согласия и помог двум дамам выйти из машины. Пассажирка произнесла фразу на доступном для него языке. По адресу Кауплемине тридцать один был расположен трехэтажный дом светло-голубого цвета. Неровные рамы узких деревянных окон не так давно были обновлены морилкой. Красная деревянная дверь закрывала вход от чужих любопытных глаз со времен постройки дома. Сегодня в нее был врезан современный электронный замок.

Из автомобиля вышли две женщины. Первой на каменный тротуар ступила дородная блондинка с толстой косой соломенного цвета. Лицо женщины с бледной кожей было начисто вымытым и создавалось такое впечатление, никогда не знало косметики. Почти бесцветные, голубые глаза посмотрели наверх.

– Почти как у вас на даче, мадам, – обнажив довольно грубый для женщины голос, сообщила блондинка той, что, последовав ее примеру, тоже вышла из автомобиля.

– Ты ошибаешься, Алена, – сказала дама в годах, поправившая свои цвета красного коралла брюки, – примерно на одно или два столетия. Скорее, – дама тоже обвела взглядом дом, в котором им двоим предстояло остановиться на ближайшие несколько дней, – на одно.

– Куда нести это? – тем временем осведомился нетерпеливый водитель на английском языке.

– А! Сейчас! – пожилая дама как будто снова заметила его.

Она раскрыла модную сумочку, которая болталась на ее согнутой в локте руке и ловко выудила оттуда мобильный телефон. В сумочке Эрнестины Вольф царил безукоризненный порядок, женщина гордилась своей организованностью. И в жизни, и на людях. Так она любила проговаривать про себя, имея в виду те случаи, когда не раз сталкивалась с поведением неряшливых людей, скрывавших свою безалаберность при всех, а дома существовавших в полном хаосе.

Дама поправила свои белые короткие волосы, по естественным причинам ставшие такими к ее шестидесятилетию. Эрнестина не спорила с природой, на манер своих много-

численных знакомых судорожно пытаюсь закрасить свой возраст. Подобно истинной француженке, коей она являлась лишь в душе, мадам Вольф решила отныне подчеркивать седину, как одно из главных своих достоинств.

– Так, сейчас посмотрим, – Вольф включила телефон, – где-то у меня было сообщение с кодом. Ах, вот и оно! Алена, нажми, пожалуйста, следующие кнопки: ключ, два, пять, два, четыре, три.

Блондинка подошла к двери, немного нагнулась, чтобы разглядеть цифры на металлической панели и повторила:

– Ключ, два, пять, два, три.

– Нет, нет, же, Алена! – мадам поправила более молодую сопровождающую. – Слушай внимательно: ключ, два, пять, два, четыре, три.

– А! Еще четверка! – обрадовалась та, что звалась Аленой.

Имя подходило бы женщине больше, если на нее смотреть не в полный рост, которому мог бы искренне позавидовать член какой-нибудь баскетбольной команды. К тому же в ее речи смешивалось несколько акцентов: французский, польский и иногда украинский. По всему можно было сделать вывод, что Алена уже очень давно не была на своей исторической родине.

– Тогда... Ключ, два, пять, четыре...

– Нет, Алена, нет, – терпеливо поправила ее мадам, стоявшая позади рослой компаньонки в платье и с трудом достававшая ей макушкой седой головы до лопаток, – ключ, два, пять, два, четыре, три.

– Угу, – согласилась барышня, кивнув крупной головой и снова принялась с усердием и скоростью ленивой коалы нажимать на кнопки.

Таксист переступил с ноги на ногу. Он уже достал все шесть чемоданов и две сумки, а также один бумажный подарочный пакет из багажника минивэна и всем своим видом хотел показать, как же сильно спешит на следующий вызов.

– Есть! – наконец обрадованно воскликнула Алена и дернула за ручку.

Дверь не поддалась.

– А, нет, что-то опять не так. Может быть, мадам, кнопки нужно нажимать все вместе?

– Нет же, Алена, размышляй логически. В цифровом ряде, который я тебе назвала, есть две двойки. Как бы ты могла их нажать одновременно?

Высокая блондинка обернулась и с недоумением пожала крупными плечами:

– Как? Как на пианино. На клавишах. Пам-пам.

Пожилая дама звонко расхохоталась:

– По-твоему, механик, который создавал это замок, был заядлым музыкантом и хотел приобщить к своему увлечению жителей этого дома?

Алена обиженно вернулась к замку и снова несколько раз хаотично нажала на клавиши.

– Кто ж его знает, этого механика, – проворчала она, – в Париже каких только чудачков не встретишь, кто сказал, что их здесь нет?

Мадам Вольф от эти слов расхохоталась еще звонче. Действительно, за все сорок лет, что она прожила в шестнадцатом районе на улице Раффе двадцать, каких только интересных людей не встречала, ведь столица Франции – это настоящая шкатулка, где прячутся и откуда выскакивают словно маленькие черти самые разнообразные таланты.

– Я спешу, – напомнил о себе водитель по-английски.

– Хорошо, хорошо, – отсмеявшись, мадам мягко прикоснулась к плечу Алены. – Тебе лучше заняться нашими вещами. Я, пожалуй, сделаю это сама.

Эрнестина в два счета справилась с цифрами, при этом ни разу не заглянув повторно в свой телефон, мадам гордилась отличной памятью, еще одно достоинство, на которое люди ее возраста нередко жаловались. Тяжелая дверь легко поддалась, Все трое шагнули в хорошо освещенный подъезд.

– Уф! – воскликнула блондинка, войдя самой последней и неся в своих руках сразу три чемодана и повесив на плечи обе сумки.

Водитель, который с трудом поднял на первые три ступеньки два самых маленьких чемодана, с опаской оглянулся на более молодую пассажирку. Очевидно, таких сильных женщин ему еще не доводилось встречать на своем пути.

– Прямо как у меня на Монмартре! Только там это делали туристы и шлюхи, а здесь это делают коты! – завершила свою мысль Алена.

– Не стоит с порога жаловаться, – пожурила ее мадам, даже не обернувшись и продолжив свой путь по перекосившимся за столетия существования дома ступенькам, – на дом, который столь любезно приютил нас. Я уверена, здесь всего лишь переночевал бездомный кот. Утром кто-нибудь вымоет лестницу, и она произведет на нас совершенно иное впечатление. Ты лучше обрати внимание на эти старинные лампы. Какие они молодцы, сохранили каждую мелочь! Это очень похвально, ведь ты знаешь, Алена, какую сильную слабость я питаю ко...

– Ко всему старью, мадам.

– Фу.

Эрнестина на этом прервала свою мысль, нажав на дверной звонок в квартиру номер четыре. Их словно ждали, за дверью моментально раздались быстрые шаги как минимум четырех молодых ног.

– Тетя Эрнестина!!!

Вместе с приветливой молодой женщиной навстречу гостям выскочил маленький рыжий шпиц. Его хвост крючком завивлял с частотой взбесившегося маятника.

– Кикки, фу! Фу! Это гости! Нельзя так! – девушке, по всей видимости хозяйке квартиры, пришлось отложить объятия и нагнуться, чтобы поднять собаку на руки. Животное уже успело сцапать зубами блестящий шнурок от прогулочных кед мадам и со всей собачьей радостью подергать за него.

– Белла, моя дорогая! Добрый вечер, Рихард! Как же я соскучилась по вам!

– Простите, тетя Эрнестина. Кикки не умеет себя вести. Совсем не знаю, что делать с этой собакой!

– В приют поскорее отдать, – в небольшой прихожей появился очень худой молодой человек, настолько же худой, как и девушка, удерживавшая собаку на руках.

Все трое, мадам Вольф и оба жильца квартиры номер четыре были словно родственники и со своим невысоким ростом и тщедушности, терялись в большой тени компаньонки Алены, только что вошедшей в дом с чемоданами и сумками наперевес.

– Здравствуйте, – кивнула сорокалетняя женщина хозяевам после того, как стукнулась макушкой головы о низкий дверной проем.

– Познакомьтесь, – мадам Вольф не забывала о вежливости, – это Алена. Моя помощница. Моя сиделка, подруга и надзиратель. Я без нее никуда. Не предупредила вас, но она тоже поживет в вашем доме, пока мы не съедем на мою квартиру. Надеюсь, мы не сильно стесним вас?

Молодой мужчина тут же замялся:

– Ну...

– Нет, нет! Ни в коем случае! – воскликнула девушка. – У нас есть свободная комната, мы поселим вас в ней. Есть еще раскладушка.

– Я буду спать на кухне, – сообщила басом Алена. – Мадам нужна отдельная комната.

– Зачем же? Есть же еще зал...

– Белла, тебе лучше с ней не спорить. Алена всегда встает на рассвете и готовит завтрак. Лучше будет ей не перечить, сколько я пробовала отучить ее от этого, ничего не помогает.

На этом та, о ком говорили, все же поставила чемоданы на пол, опустив их с характерным грохотом и нечаянно задев ногу водителя. Мужчина взвыл, схватился за свой ботинок и

выпучил черные глаза. Мадам Вольф пришлось вмешаться и срочно выдать тому чаевые (она вложила их в карман его куртки) и мягко выставить за дверь.

– Алена, спустись и забери оставшиеся вещи, – велела мадам, выталкивая помощницу вслед за мужчиной. – А мы пока разберемся с комнатами.

Глава 2

В шесть тридцать утра по улочкам еще спящего старого европейского города шагали две женщины. Первой, размахивая специальными палками для спортивной ходьбы, шла мадам Эрнестина. В модном хлопчатобумажном спортивном костюме, цвета слоновой кости с персидско-зелеными полосами и белых спортивных тапочках на плоской, прямой подошве, Вольф шагала со строго положенной скоростью.

– Алена, почему ты постоянно отстаешь? – возмущалась мадам не оборачиваясь. – У тебя темляк на своем месте?

– На своем, – тяжело дыша, ответила отставшая.

Помощница француженки тоже была облачена в спортивную одежду, ее костюм был розовым с головы до пят, а надо лбом сорокалетней женщины красовался лиловый платок, выполнявший роль повязки, удерживающей на месте тяжелые локоны светло-русых волос.

– Почему же ты постоянно роняешь свои палки?

– Я не виновата, мадам, – произнося слово «мадам» с тяжелым русским акцентом, ответила Алена, – никак не могу к ним привыкнуть.

– Как это ты не можешь привыкнуть?! Мы с тобой с начала года ежедневно ходим на прогулки, а ты все никак не можешь привыкнуть?! Алена, возьми себя в руки, ты же женщина, тебе необходимо быть здоровой, иметь прямую осанку!

– Мадам, зачем мне это? Бросьте эти попытки выдать меня замуж. Я туда больше не пойду.

– Так! Что я опять слышу? А ну, забыла эти препирания и согнула руки на девяносто градусов, оттолкнулась и... раз, два, три! Шагаем! Шагаем, Алена!

Бодрая энтузиастка с седыми волосами перешла через узкую средневековую улицу и еще немного ускорила темп ходьбы. Помощница и до того едва поспевала за ней, теперь же и вовсе растеряла обе палки. Ругаясь и сетуя на неугомонную мадам, Алена собрала потерянное и уже просто держа палки в одной руке, нормальным шагом поспешила вслед за Вольф, благо та все равно не оборачивалась и не могла видеть, выполняет ее задания компаньонка или нет.

Алена всю дорогу неодобрительно прицокивала языком. Мадам Вольф удовлетворительно провела ночь. Молодые хозяева уступили высокой гостье свою спальню, а сами устроились в кабинете на диване. Алена, как и планировала, привычно провела ночь на кухне. В Париже компаньонка имела свою комнату, но здесь, во временно стесненных обстоятельствах, предпочитала как можно меньше обременять гостеприимных хозяев. Остановка в их доме была мерой вынужденной. Дань теплоте знакомству мадам Вольф с матерью Беллы. Та, узнав, что Эрнестина переезжает в этот город, и что ремонт в ее собственной квартире еще не закончен, настояла на том, чтобы дорогая подруга остановилась у ее дочери. Это тем более было странно, что мадам является весьма состоятельным человеком, богатой вдовой и может позволить себе хоть всю жизнь провести в самой дорогой гостинице этого города. Но дружба – есть дружба. Мадам не смогла отказать подруге и приняла предложение разместиться в скромной трехкомнатной квартире.

Утром Алена унюхала тонкий пряный аромат, выскользнувший из спальни вслед за Эрнестиной. Это означало, мадам перед сном даже устроила себе минуту отдыха с каннабисом. Вольф редко пользовалась своей шкатулкой, лишь в те дни, когда чувствовала себя особенно одиноко или на нее накатывала тоска. Не удивительно, ведь в эту страну и в этот город ее буквально выпихнули из любимого Парижа. Словно в ссылку.

– Вот мы и пришли! – бодро сообщила Вольф, остановившись у красной деревянной двери по адресу Кауплемине тридцать один.

Женщина сняла кожаные перчатки со своих ухоженных, покрытых сетью мелких морщинок рук и взглянула на тяжело дышавшую, как после пробежки, помощницу.

– Алена! – покачала головой Вольф. – Разве красивые женщины так дышат? Ты распугаешь всех мужчин!

– Вот и хорошо, мадам, – уткнувшись внушительным локтем в древнюю стену, выдавила компаньонка.

Большая грудь женщины вздымалась с таким трудом, словно каждый вздох был равен поднятию тяжелейшей штанги с десятком блинов.

– Чем меньше их вокруг вас и меня, тем тише будет. Вам что сказали? Отдыхать. Вот и отдыхайте.

– Алена! Не тебе меня поучать. Я и отдыхаю. Но на отдыхе, мне никто не мешает избавиться от тебя.

Мадам Вольф погрозила пальчиком и, набрав код на замке, нырнула в подъезд.

– Даже не мечтайте, – хмыкнула помощница ей вдогонку и подмигнула толстому рыжему коту, наблюдавшему за незнакомками из-за стекла в окне первого этажа. – Избавиться от меня!

Вернувшись в квартиру, Алена напрямик отправилась на кухню, где занялась приготовлением завтрака на пятерых человек. В считанные минуты она раскатала тесто, заготовленное с ночи, скрутила его в рожки и поставила в духовку. Уже минут через десять все пространство наполнилось сладким ароматом свежей выпечки. После, пробравшись через горы чемоданов в гостиную комнату, она нашла сумку, в которой лежала банка с любимым кофе мадам. Остальную партию, которой им должно было хватить на ближайший год, привезут специальной доставкой примерно через неделю, к этому времени они уже должны успеть перебраться на квартиру мадам.

Мадам Эрнестина появилась к завтраку в длинном, до пят, вязанном платье черного цвета с рисунком в виде нескольких белых ромбов. Поверх платья был надет кардиган той же длины, что и платье, с тем же узором. Руки женщины скрывали рукава, которые заканчивались белыми манжетами в районе середины ладоней. На тонкой талии красовался пояс из переплетения черной кожи тельника с золотым металлом. Алена, увидев этот наряд из последней коллекции Шанель, лишь по своему обычаю неодобрительно промычала что-то нечленораздельное, что означало, что она крайне несогласна сразу после завтрака отпускать хозяйку на прогулку. Ведь они прибыли лишь вчера вечером и порядочной мадам после перелета стоило бы немного отдохнуть, а не отправляться на поиски приключений, в которые она непременно, несомненно, ввяжется, стоит ей выйти за порог.

Взглянув на стол и обнаружив на нем лишь две чашки и большое блюдо с круассанами, Вольф спросила:

– А наши любезные хозяева?

– Убежали на работу, – отмахнулась помощница. – Сказали, что не завтракают. Только мужчина утащил прямо с тарелки два круассана. Ел прямо на ходу. А девушка заявила, что не завтракает по утрам. Они оставили нам ключи.

– Как любезно с их стороны.

Эрнестина уже было приподняла немного по бокам свое платье, чтобы оно не растянулось, когда она будет опускаться на стул, как вдруг обе женщины застыли и прислушались. С лестницы донесся шум, похожий по звуку на удар или как будто упало что-то тяжелое.

– Уборщики, – констатировала Алена, усевшись за стол и показывая этим пример мадам.

Эрнестина не отреагировала и осталась стоять прислушиваясь. Словно в подтверждение ее чутью, спустя секунду с той же стороны послышался женский голос – кто-то ругался. Топот, снова шум.

– Мадам, – помощница позвала свою хозяйку, чувствуя, что в той проснулось знакомое уже ей любопытство, из-за которого, собственно, их обеих и выставили из столицы моды, – бросьте. Это точно уборщики. Ваш кофе стынет. – Мадам...

– Подожди, – остановила Вольф ее, показав указательным пальцем вверх.

Она безмолвно досчитала до трех и как только тишину в квартире сотряс оглушительный звонок в дверь, удовлетворенно улыбнулась. Из-под стола вынырнуло рыжее пушистое облако и со звонким лаем бросилось к двери.

– Я открою, мадам, не стоит...

– Алена, я открою. Ты лучше займись завтраком.

– Но он же уже готов! Я открою!

– Нет! Я не хочу круассаны, сделай мне яйцо-пашот! – выкрикнув это, Вольф по примеру рыжего облака по кличке Кикки прытко покинула кухню.

– Ну, черт возьми! – помощница расстроено рухнула на стул, по пути стукнула ладонью по шаткому хозяйскому столику, в результате чего чашки с кофе подпрыгнули и приземлившись обратно, ко всему прочему залили поверхность своим содержимым. Помощница покачала головой:

– Быть беде.

Глава 3

Эрнестина Вольф, прежде чем открыть дверь, посмотрела на рыжего шпица, громко тьякавшего у ее ног.

– Кикки, сейчас ты помолчишь.

Собачка не обратила на нее никакого внимания и продолжила яростно ругаться на запертую дверь. Тогда все тот же указательный палец коснулся макушки на голове зверька. Кикки замерла.

– Помолчишь, – повторила иностранная мадам, глядя прямо в глазенки шпица.

Животное моргнуло и тьякнув на женщину, внезапно село и уставилось на дверь.

– Так-то лучше. Оказывается, ты знаешь команды.

Замки загремели и дверь в конце концов была открыта. За ней возникло старушечье лицо, мгновенно с любопытством оценившее обстановку позади Эрнестины Вольф.

– Доброе утро, – поздоровалась французская гостья.

– Доброе! – выпалила старушка, посмотрев поверх своих неказистых, с давно устаревшим прозрачным ободом очков. – Ну, вернее, для кого как! Вы уж простите, что я вас беспокою в такую рань. Я соседка, из пятой квартиры, вот, прямо за стенкой живу. Меня зовут Эльза Тоомас. Мы с мужем, с Кари, живем сразу за этой стеной.

– Очень приятно, Эльза. Эрнестина Вольф. Как поживаете? – традиционно во французской манере ответила мадам и вежливо улыбнулась.

– Как поживаю? Не спрашивайте! Это же какой-то кошмар! Собственно, именно поэтому и беспокою вас. Возможно, вы что-то видели. Вы не подумайте, чего плохого, без повода я никогда не обращаюсь к соседям. Мы с супругом пенсионеры, нам по семьдесят лет уже, вы сами понимаете, никаких вечеринок не устраиваем.

– Так что же случилось с вами, Эльза? Может быть, вы присоединитесь к нам за завтраком? Мы как раз собирались...

Соседка отреагировала молниеносно – она шагнула через порог, чуть было не наступив на рыжее облако впервые кого-то послушавшее и выполнившее команду. Собачонка успела вовремя отскочить в сторону и предупреждающе рыкнуть вдогонку старушке из соседней квартиры, уже повернувшей на кухню.

– Алена, ставь еще одну чашку, у нас гости! – громко сообщила мадам, запирая дверь и довольно расплывшись в улыбке.

Переезд в другую страну, вынужденное возвращение на родину могло оказаться не таким мрачным, как ей представлялось изначально. Вполне вероятно, каннабис можно будет отложить...

Очень скоро они все втроем пили горячий кофе, а мадам Вольф получила свое яйцо пашот, которое отодвинула в сторонку, так как ничто на свете не любила к завтраку так сильно, как свежие круассаны, испеченные Аленой. Эту женщину, когда-то давно почти подобранную ею с улицы, мадам отправляла на занятия в пекарню Огюста, чтобы та совершенствовала свои навыки. В результате, французским пекарям удалось раскрыть в грубой женщине настоящий талант ко всему, что касалось муки.

– Вы хотели что-то рассказать, – напомнила Вольф соседке, окунув в большую чашку румяный кончик второго круассана. По коричневой жидкости расплылись желтые масляные разводы.

– Ах, да! Я так понимаю, вы приехали к нашим молодым соседям в гости?

– Все верно, – дружелюбно улыбнулась француженка.

– Я почему спрашиваю, вы наверняка заметили этот жуткий запах у нас на лестничной клетке. Это не случайно! Вы не подумайте, у нас очень respectable дом. Уборщики при-

езжают каждый день, подъезд закрыт, и мы с соседками тщательно следим, чтобы порядок не нарушался. Каждого знаем в лицо. К примеру, на первом этаже у нас только две квартиры заняты – в первой живет моя подруга Матильда с дочерью. Мы с ней и с Линдой Пелтолой, она живет на третьем, живем здесь уже более тридцати лет. История дома и наших семей...

– Получается, каждая из вас следит за своим этажом, ведь в доме их всего три, – поддержала пока неинтересный рассказ соседки Эрнестина.

Чутье француженки, не раз уже втянувшее ее в разного рода и исхода приключения, подсказывало, что и этот разговор окажется бесполезным.

– Если не считать чердака, на котором живет студент-гитарист, то да. Ох, его гитара измучила нас всех. Бывает по ночам играет по несколько часов. Откроет окошко в своей комнате, а улица у нас узкая, акустика здесь получше, чем в любом концертном зале.

– Но вчера, мы ничего такого не слышали, не правда ли, Алена?

– Неа, – буркнула помощница, возвышавшаяся над двумя пожилыми дамами почти на две головы.

– Вчера он не играл, это верно. По четвергам обычно дома не бывает. Сегодня же нас ждет аншлаг – студент будет играть весь вечер, в квартире над вами произойдет очередная непристойность, – соседка наклонилась к Вольф и понизила голос, – квартиру номер семь приобрел мужчина средних лет для тайных свиданий с любовницами. И моя подруга, Линда, точно уверена, что он женат. Он здесь не живет, приходит несколько раз в неделю, но чаще всего по пятницам. Вот и сегодня тоже, скорее всего появится. С очередной. В прошлый раз была тощая брюнетка. Кто на этот раз?

– Блондинка? – выплюнула догадку Алена, в ответ на поперх страшных очков выпученные глаза соседки.

– Может быть, может быть, – закусив несколько раз нижнюю губу, ответила та. – Не знаю. И блондинки были, и брюнетки. Всякие за последние несколько лет. Мы все удивляемся, как он с нашей гулящей соседкой из девятой квартиры до сих пор не познакомился, – она снова наклонилась к Эрнестине, – вот уж, где настоящий разврат! Уходит ночами, носит короткие юбки, каблук длинные, еще и с платформой.

Мадам Вольф, поправила белоснежную салфетку у себя на коленях, она была единственной за столом, кто соблюдал это устаревшее правило этикета (сколько не приучала Алену, та постоянно забывала об уроках) и спросила:

– Получается, что на третьем этаже и на чердаке поселились подозрительные личности?

– Подозрительные? Не то слово! Только моя подруга, кстати, и бывшая коллега, Линда, единственный ангел во плоти.

– А что же на нашем, втором этаже?

– А на нашем все чисто! Здесь мы с вами, а в шестой никого нет. Эту квартиру уже давно продают, хозяева уехали в Англию. Там муж архитектор, как и наш сосед с первого этажа, который занимает сразу две квартиры.

– Сразу две? – Эрнестина покончила с выпечкой и подала чашку помощнице, чтобы та снова наполнила ее кофе.

– Сразу две, – кивнула Тоомас. – Богатый мужчина. Моих лет, с супругой приехал. Они здесь поселились с месяц назад, почти тогда же, как началось это безобразие, из-за которого я к вам и постучалась! Но это точно не они, ведь у них нет животных.

– Не они что?

– Все это! Как же! Этот запах на лестнице! Кто-то мстит мне и моим подругам. Или хочет навредить. Из зависти, как минимум. Вы подумайте только, всю жизнь мы живем в этом доме, следим за порядком, особенно теперь, на пенсии, и вдруг – пожалуйста! Начинаются беспорядки. Поначалу мы, конечно, думали, что сбежал один из наших котов. Ведь у меня трое, у Линды две кошки, и у Матильды с дочкой кот. Переругались страшно! Потом все же дого-

ворились, что наши кошки не могли такое сотворить и вообще, это дело рук человека. Ведь кот не станет специально гадить под определенными дверьми. А еще я не раз находила, вы не поверите, фекалии! Я думаю, что это студент или эта... из девятой квартиры. У них тоже есть кошки. У студента такой черный кот, а какой в девятой – не знаю, слышали мы только, как он мяукает за дверь. У вас собачка, – Тоомас помахала ладонью рыжей мордочке, выглядывавшей все это время из-под стола затем, чтобы сцапать очередной кусочек выпечки, протянутый ей мадам Эрнестиной, – вас тоже подозревать нельзя. А внизу архитектор с супругой, люди приличные, без детей и животных. Такие же тихие, как и мы с моим Кари. Мы думали, думали, и все же я подозреваю студента!

– Эльза, вы рассказываете про эти события, но что же произошло сегодня? Снова запах?

– Сегодня? Нет! Сегодня произошло что-то посерьезнее. Это уже настоящая война! Я пойду в полицию! Ведь кто-то ободрал обшивку моей новой входной двери!

– Снова кот? – без эмоций уточнила Алена.

– Кот? Фу! Кот не сможет подпрыгнуть на такую высоту! Дверь ободрана на самом верху, как это так? Животные если обдирают, то всегда внизу. Я однозначно пойду в полицию!

Через некоторое время, насытившись как минимум тремя круассанами и выпив несколько чашек кофе, Эльза Тоомас покинула их, отправившись, как и обещала, в полицейский участок писать заявление на своих соседей.

– Обычные войны соседок, – резюмировала Алена, убирая со стола посуду, – мадам, здесь нет никакой загадки. Кто-то кому-то насолил, вот и все. Теперь мстят друг другу. Кому еще устраивать кошачьи войны, если главные кошатницы сами подруги? Три кошки в одной квартире! Еще и муж! Был бы у меня муж...

– Вот будет у тебя муж, тогда и расскажешь, как это. Алена, не стоит делать выводы о людях из короткого рассказа. Что мы узнали? Да практически ничего.

– И не надо нам ничего узнавать. Вам отдохнуть надо мадам, и уж ни в коем случае не вмешиваться в неприятности.

– Какие неприятности? Я всего лишь угостила соседку утренней чашечкой кофе.

Глава 4

– Кикки, а ты, оказывается, милая собачонка, – похвалила мадам шпица, возвращаясь к дому номер тридцать один по улице Кауплемине.

После продолжительной вечерней прогулки, за время которой Эрнестина Вольф со своей новой рыжей четвероногой подругой успели посетить два городских парка, прогуляться вдоль живописного канала и прокатиться на лодке, она попыталась попасть домой. Что оказалось затруднительным, ведь узкая улочка была заполнена людьми, а центральную ее часть, сразу напротив входной двери, занимала машина скорой помощи. Толпы зевак окружили автомобиль и живо обсуждали случившееся.

– Интересно, – пробормотала мадам, поспешив скорее к подъезду, – как ты думаешь, Кикки, что там произошло?

Пробираясь сквозь толпу, француженка успела уловить несколько случайных замечаний, в которых отчетливо разобрала слова «убили», «зарезали», «украли». Так что же произошло? Подняв шпица на руки, а то, не ровен час, пушистого зверька могли затоптать, Эрнестина добралась до двери, набрав код, попала в подъезд и тут же нос к носу столкнулась с утренней гостьей.

– Эльза?

– Эрнестина! Вот и вы! – выпалила старушка, держась за сердце. От пожилой женщины явственно пахивало успокоительными каплями. – Вот! Что я говорила?! Пятница!

– Что-то случилось? – поглядывая вверх, в сторону распахнутой двери в квартиру номер один, живо поинтересовалась Вольф.

– По пятницам этот дом как будто проклят! Матильде, моей дорогой Матильде стало плохо. По правде говоря, нас всех троих уже порядком мутит от этой вони на лестничной клетке и от всего, что здесь творится в последние недели. Мы с девочками собрались, как обычно пили чай с моим клубничным пирогом, потом разошлись. Как всегда, этот, – она показала пальцем на потолок, – студент, снова начал играть. И тот, – теперь показала вверх и в бок, – любовницу привел. Мы посидели, потом разошлись. И я услышала, как к дому подъехала скорая! Поспешила вниз – гляжу, они к Матильде стучатся. А это дочка ее, Нина, спасателей вызвала. Говорят, отравление. Ну какое же отравление?! От моего пирога? Наверняка, это аура плохая у нашего дома. Это все его музыка! И кошатиной опять несет!

Разговор дам прервал появившийся из квартиры молодой медик. Еще на пороге, мужчина в оранжевой форме закурил. Он будто был не здесь, не видел ничего перед собой. Мадам Вольф сделала предположение, что юноша на этой работе лишь первые дни.

– Доктор, – заискивающе спросила она, стоя у подножья лестницы. – Как она себя чувствует?

Молодой медик даже не поинтересовался, кто они.

– Отравление. Скончалась, – словно увидев перед собой мрачную картину, схватился ладонью за рот и выбежал на улицу, чуть не сбив пожилых леди с ног.

– Как скончалась? – Эльза Тоомас уставилась на свою собеседницу. – Как скончалась?! – повторила она.

– Мадам! Мадам! – сверху, из-за угла лестничного пролета появилось белое лицо Алены. – Мадам, вам пора домой! Ужин готов!

Не дожидаясь ответа от Вольф, крупногабаритная помощница, топая по старым ступенькам, спустилась вниз и схватив свою хозяйку под локоть, силой утащила ту наверх.

– Алена! Разве так можно? – ругалась Вольф на французском языке. – Я должна была поддержать нашу соседку!

– Мадам Эрнестина, – отвечала ей помощница на том же языке. – Не вешайте мне лапшу на уши. Ваша поддержка закончится тем, что вы отправитесь искать следователя и проведете ночь, знакомясь с местной полицией. Я все слышала. Мы не успели приехать, а ваш любопытный нос по самые щеки залез в чужие дела. Умерла и умерла. Мало ли от чего люди умирают? От старости, например. Вам-то какое до этого дело? Посмотрите, вы даже собаку измотали своими прогулками, она уснула на пороге!

Спорщицы уже успели войти в квартиру своих гостеприимных хозяев, Алена как раз снимала обувь, а мадам Эрнестина обернулась назад – и действительно, к своему удивлению она увидела маленького шпица Кикки, в прямом смысле распластавшегося на коврик у входной двери и растопырившего все четыре лапы в стороны.

– Ого, – со стороны комнат раздался пораженный возглас Рихарда. – За все время, что это несносное животное живет у нас, впервые вижу его настолько тихим!

Несколько позже, тем же вечером, после изысканного ужина, поданного Аленой, мадам Вольф наблюдала в окно кухни за тем, как полиция и медики увозили тело покойной. Эрнестина стояла у окна и курила обычную, электронную сигарету. Женщина ждала. Со стороны лестницы периодически доносился шум – это приехал следователь с помощниками, они опрашивали жильцов дома. К большому сожалению француженки, слов разобрать не удалось, лишь шум, звонки в дверь, топот ног и лязганье замков.

– Мадам, вы бы отправлялись спать, – с недовольным видом на кухне появилась помощница.

Она уже переделась в халат, тщательно умыла широкое лицо, переплела на ночь косу и явилась, таща в своих руках раскладушку.

– Вот и хозяйева, Белла с Рихардом уже спят. Даже ваша новая подружка Кикки не просыпается. Почему вам не спится?

– Последняя сигарета перед сном, – задумчиво глядя в окно, быстро и коротко ответила Вольф. Пожилая дама как будто боялась пропустить и не услышать хоть малейший звук, доносившийся с лестницы. Поняв, почему ее хозяйка так себя ведет, ведь это было уже не впервые, Алена специально повысила голос и продолжила разговор:

– Вы же можете покурить у себя в спальне, Белла вам разрешила. Отчего же вы стоите и накуриваете здесь для меня? Хотите, чтобы мне кошмары снились?

– Это неприлично, Алена, в их спальне все пропитается дымом. Я покурю здесь.

– Ха! – помощница с шумом поставила раскладушку на пол и начала ее раскладывать, наслаждаясь скрипом всех деталей, годами простаивавших в одном положении и от того заржавевших. – Вчера вы курили в их спальне каннабис, это вас несколько не смущало. Мадам было грустно и одиноко. Мадам не хотела уезжать из Парижа. А сегодня кто-то умер и мадам перebrалась курить ко мне на кухню. А почему? У нее проснулась совесть? Нет же, просто с кухни лучше видно подъезд, а еще с кухни лучше слышно, чем занимается полиция. Это не ваше дело, мадам Эрнестина, идите спать, а не то я...

В дверь позвонили. Вольф, как и утром, просияла, женщина сорвалась с места, по пути бросив ворчливой помощнице:

– Собери обратно раскладушку, Алена. У нас будут гости!

– Как? Опять?!

А из коридора уже доносилось:

– Проходите, проходите, я все вам расскажу, мы мило побеседуем...

Они устроились все на той же кухне. Алене пришлось, ворча, ставить разогревать кофе (мадам Эрнестина пила его на ночь, а после крепко засыпала, как это работало, помощнице было невдомёк). К ним явились двое – молоденькая девушка, она сразу пристроилась за кухонным столом и принялась записывать и мужчина, чуть постарше.

– Так вы говорите, что это отравление? – с порога в лоб начала наступление любопытная француженка.

– Мы ничего такого не говорили, – не поддался на ее уловку мужчина, не смотря на свой незрелый возраст, уже являвшийся счастливым обладателем небольшого лысого островка на собственной голове. В отличие от девушки в форме, он пришел в штатском – обычная рубашка с коротким рукавом и брюки. На ногах красовались нечищенные, слишком теплые для мая месяца черные ботинки. – Лучше вы расскажите нам, были ли вы знакомы с покойной?

– Мадам Вольф, – грубо вмешалась Алена, закрыв хозяйку своей безразмерной спиной и угрожающе уставившись на мужчину сверху вниз, – приехала в ваш город только вчера вечером. За это время она не успела никого узнать.

– Алена, – мягко отодвинула маленькой ручкой помощницу Эрнестина, – почему же ты говоришь неправду? Я успела сегодня утром выпить чашечку кофе с нашей соседкой из пятой квартиры, ее зовут Эльза Тоомас. Вы еще не были у нее?

Мужчина с женщиной полицейские переглянулись.

– Нет, – ответил страж порядка, – мы постучались к вам первым.

– Ага, – кивнула Вольф, – она живет сразу за стеной. Так чем, вы говорите, отравилась женщина снизу? Ее, кажется, зовут Матильда?

– Откуда вы взяли, что она отравилась? Мы этого не говорили, – подозрительно прищурился полицейский.

– Что вы заладили, говорили или не говорили, – мадам взяла чашку с кофе из руку Алены и с улыбкой передала ее полицейскому. – Как вас зовут, я запомнила...

– Следователь Ульф Линдберг.

– Господин Линдберг, я узнала о том, что убитая...

– Почему убитая? С чего вы взяли?! – подпрыгнул мужчина, а вслед за ним подпрыгнула жидкость в чашке в его руках.

– Простите, господин Линдберг. Я узнала о том, что женщина была отравлена от врачей скорой помощи.

Девушка, писавшая в блокноте, посмотрела на начальника:

– Вечно они язык за зубами удержать не могут.

– Так я все верно поняла! – обрадовалась Вольф, словно охотник в лесу, увидевший выглянувшего из кустов оленя.

– Нет! Нет! Ничего вы не поняли, – осадил ее Линдберг и опять перетянул разговор на себя. – Лучше скажите, не слышали ли вы, чтобы в этом подъезде травили крыс?

– Если только коты, – проворчала Алена. – Местные ругаются из-за вони в подъезде. Не удивлюсь, если кто-то из бдящих за всеми старушек, решил отравить чужого кота.

– Почему вы спрашиваете об этом? – вставила вопрос Вольф.

– Здесь вопросы задаю я, а не вы. Госпожа Вольф, отвечайте, пожалуйста, по существу.

– Я отвечаю. Хорошо. Нет, я не слышала, чтобы кто-то травил крыс. А скажите, господин Линдберг, покойная отравилась крысиным ядом?

Следователь закатил карие глаза к потолку, выражая тем самым всю свою нелюбовь к подобного типа дамам. И их неудержимому любопытству. Однако, как и большинство следователей, он понимал преимущества хороших отношений с подобного рода свидетелями, более внимательные, чем молодые, пожилые дамы зачастую становились источником большого количества подробностей по делу. Но это отнюдь не означало, что у этих старых куриц стоило идти на поводу и выкладывать им с порога информацию, чтобы она уже через несколько минут облетела всю округу в виде сногшибательных сплетен.

– А скажите, госпожа Вольф, что еще вы успели услышать и узнать за время вашего короткого пребывания в этом доме? – ответил он вопросом на вопрос.

– Ничего особенного, господин следователь, – на первый взгляд бесхитростно ответила она, – только то, кто живет в этом доме, чем занимаются и чем не нравятся местным бдительницам правопорядка.

– Правда? – почти промурлыкал следователь, сделав с его точки зрения невидимый знак своей помощнице, чтобы та внимательнее записывала.

– Правда. Эта женщина, Матильда, с первого этажа, одна из трех старых подруг. Вторая из их компании – Эльза, живет в пятой квартире, а третья в восьмой. Линда. Они в этом доме уже более сорока лет, работали раньше вместе. Имеют привычку несколько раз на неделе пить вместе чай с пирогом. Сегодня угощение готовила наша соседка. А вы нашли остатки ее клубничного пирога?

Следователь поперхнулся кофе и закашлялся от столь внезапного, точно выверенного вопроса.

– Откуда вы знаете про пирог?

– Так нашли или не нашли?

– Мадам, пойдемте спать, – вмешалась в их дуэль Алена, но ее никто не услышал.

Следователь во все глаза смотрел на странную заграничную леди, слишком дорого и вычурно одетую для местной жительницы, она же в ответ разглядывала его лицо, пытаясь в его мимике найти подтверждение своим догадкам.

– Нашли или не нашли и я расскажу вам дальше про всех жителей дома. Значительно сэкономлю ваше время, господин Линдберг.

Повисла пауза. Полицейский жевал свои губы, надувал щеки и хмурился – по всему было видно, что в его голове происходила бурная мыслительная деятельность.

– К черту! – в конце концов сдался он к невероятному удовлетворению со стороны Вольф. – Хорошо, не нашли. Они все съели.

– Так все-таки крысиный яд и вы подозреваете его наличие в пироге, – заявила мадам. – Но, господин Линдберг, вы же понимаете, что этого не может быть! Чтобы умереть от пирога, в нем все количество муки нужно было бы заменить на крысиный яд, только тогда, при достаточно слабом желудке, мог бы умереть человек. Разве не так? Опять же, почему тогда остальные живы? Она ела пирог в одиночестве?

Следователь зарычал и резко вручил чашку с недопитым кофе француженке.

– Все. Я понял! Келда, мы здесь закончили! Вы ничего не знаете и только морочите мне голову, – выставил он свой палец прямо в сторону лица низкорослой Вольф.

– Господин Линдберг! Я же еще не все рассказала вам! – это восклицание уже ударило в спину уходившего прочь полицейского.

Алена вернулась в кухню спустя минуту, ровно после того, как закрыла за рассерженным полицейским и его сопровождающей дверь.

– Мадам, – покачала та головой, – я же говорила вам идти спать, а вы снова за свое. Если так продолжится и дальше, мне придется позвонить в Париж.

– Ты не станешь этого делать, – фыркнула Вольф. – Прекрати. Ты же видишь сама, я ни в чем не виновата. Дело само пришло ко мне.

– Это не дело, это случайность.

Алена вновь принялась стелить постель и раскладывать скрипевшую раскладушку, при этом пихнув задом в бок худосочную хозяйку.

– Алена! Какая же это случайность? Не говори ерунды! Ты же сама прекрасно видишь, что дело само напрашивается ко мне в руки. Они подозревают отравление крысиным ядом, что здесь случайного? Ты знаешь, сколько человеку необходимо съесть этого вещества, чтобы умереть? Банку, Алена! А если не зараз – то ее должны были планомерно травить, постоянно подсыпая отраву в еду. Где же здесь случайность?

– А если она хотела покончить жизнь самоубийством?

- Здоровая женщина в семьдесят лет?
- Может быть, у нее любовь несчастная.
- Любовь, Алена, может быть у тебя. А у нее, в ее возрасте, неразделенная любовь может быть только к пирогам.
- Вот. Она-то ее и погубила. Вы же сами постоянно повторяете, мадам, что мучное вредит здоровью и красивой фигуре.
- Не до смерти же! Вредит...

Глава 5

Промаявшись до середины ночи без сна, Эрнестина Вольф, вопреки обыкновению, проснулась в эту субботу лишь к восьми утра. И то исключительно благодаря одной рыжей гостье, беспардонно и с потрясающим упорством стягивавшей с нее теплое одеяло. В этом приморском городе даже в конце мая по утрам было невероятно холодно. Отопление уже отключили, как ей поведали Белла и Рихард, однако природа с этим не согласилась, постоянно балуя жителей не только криками голодных чаек за окном, но и сильными ветрами с дождем, и нередко с градом.

Эрнестина приоткрыла левый глаз и взглянула на рыжую мордочку беспокойного шпица.

– Не думаешь ли ты, что теперь я обязана тебя выгуливать?

Собачка наклонила голову вправо, затем влево и звонко гавкнула. Настолько звонко, что мадам даже наморщила свой аристократический нос.

– У тебя же есть хозяйка. Вот к ней и обращайся. Я же не...

Какой аргумент хотела привести Вольф в пользу того, что не она должна гулять со шпицем, маленькая рыжая проказница так и не узнала, потому что француженка внезапно навострила уши. Собачка тоже замерла, ведь за стеной, разделявшей квартиры четыре и пять раздались голоса. Вольф моментально вспомнила все то, что ей так упорно мешало заснуть прошлым вечером. Неожиданная смерть незнакомой ей Матильды с первого этажа. Холодный разговор со следователем ничего не дал, но ведь это и неважно. Главное она знает – гибель женщины не была случайностью, она не произошла по причине болезни или старости. Есть большой шанс, что кто-то помог несчастной отправиться на тот свет и именно этот факт заставил Вольф вскочить с кровати и начать собираться. Сегодня мадам выбрала джинсы песочного цвета, серый джемпер и джинсовую куртку. Вполне вероятно, что день придется провести на ногах, а длительные прогулки или расследования лучше проводить в удобной одежде. Хотя мадам ни в молодые годы, ни позже, никогда не жаловалась на физическую подготовку. Как-то раз она провела трое суток без сна. Пока выслеживала одного очень хитрого и умного преступника, и не успокоилась до тех пор, пока не подловила его. Вот это были приключения! Что же ждет ее на этот раз? Скучное расследование о смерти старушки? Был или не был отравлен клубничный пирог? Пора бы это выяснить.

Усевшись снова на кровать, мадам водрузила на глаза очки и взяла с тумбочки лист бумаги, с которым накануне засыпала. На нем был нарисован дом в разрезе, если квадрат с треугольником, символизирующем крышу, можно так назвать. В этом доме на каждом этаже, коих всего три плюс чердак, по три квартиры. Всего – десять. Можно ли предположить, что убийца прячется среди жильцов? Эти кошачьи войны...

– Этот Ульф Линдберг, сказал бы сейчас, что Матильду отравила собственная дочь, если это не самоубийство, – произнесла свою мысль вслух Вольф и посмотрела поверх модных очков на внимательно слушавшего ее шпица, который смиренно сидел у ее ног и преданно заглядывал в глаза. – А что мы с тобой думаем? А мы думаем, что ее дочь была бы настоящей дурой, если бы отравила мать таким глупым способом. Слишком очевидно, не находишь? Что эта дочь, по его мнению, стояла и заталкивала матери в рот целую банку яда? Или травила ту постепенно, изо дня в день подмешивая отраву в кашу? Могла, конечно, разные экземпляры попадутся в мире криминалистики. Но мы же с тобой не станем искать легких путей? Легкими путями пусть занимается местная полиция. Мда... – протянула дама. – Правильный детектив проверил бы все версии. Но я предпочитаю доверять своей интуиции, а она подсказывает мне, что дочь все же ни при чем. У дочери есть мотив, с этим не поспоришь. Мама наверняка оставила той какое-то наследство. Но способ, Кикки. Что за глупый способ убрать мать с дороги? Зачем тогда устраивать все эти кошачьи войны? Или это совпадение?

– А я не верю!!!

Вдруг из-за стены, за которой находилась квартира номер пять, раздался женский крик, он был настолько громким, что в этот раз мадам удалось разобрать каждое слово.

– Вот! Кикки! Началось! – Эрнестина Вольф подпрыгнула на кровати. – Мы должны собираться и суметь проскользнуть мимо нашей зануды Алены. А еще... О, мон дьё! Сегодня же суббота! Они все втроем дома! Как же нам выбраться?

Долго не думая, мадам перебрала кошелек, телефон и еще несколько необходимых мелочей в аккуратный кожаный рюкзак, подхватила шпичка на руки и направилась в прихожую. Где по пути ее остановил громкий, очень требовательный возглас помощницы:

– Мадам, куда вы собрались? А как же завтрак?!

Алена уперла свои внушительные кулаки в не менее внушительные бока. Вольф замерла на месте в нелепой позе, уже успев поднять ногу для того, чтобы сделать следующий шаг в сторону входной двери.

– Кикки необходимо срочно выгулять! У нее болит живот!

– Садитесь завтракать, я выгуляю ее, – Алена угрожающе направилась в их сторону.

– Но зачем же вам беспокоиться? – с кухни крикнула Белла. – Я выгуляю ее, тетя Эрнестина. Вы лучше завтракайте!

– Если на то пошло, и я могу выгулять эту собачонку, – как назло, их общую идею не пустить Вольф на улицу, поддержал даже не любивший собачку мужчина.

– Нет, нет! Я сама! Мне срочно необходимо погулять! У животного... понос, а я знаю, что с этим делать!

– Знаете, что делать с поносом? – сдвинула брови помощница.

– Ну... я отведу ее к ветеринару, – быстро нашлась мадам, схватив поводок с крючка, – и я умею делать массаж!

– Мадам... Массаж собаке? Насколько я знаю, у вас никогда не было животных. Довольно увилывать, я не пущу вас! – Алена хотела было преградить дорогу хозяйке, но та оказалась проворнее, к тому же беглянке помогла собачонка, злобно гавкнувшая в нужный момент на всех этих поборников и защитников гостеприимства.

Доли секунды не прошло, как за Вольф и Кикки захлопнулась дверь, оставив остальных в недоумении смотреть им вслед.

Вырвавшись на свободу, Эрнестине пришлось сперва подняться на один лестничный пролет выше. Она прекрасно знала свою помощницу – с той станется отправиться вдогонку.

– Ты только молчи, – прошептала мадам Кикки, и ткнула ту в кожаный мокрый нос подушечкой указательного пальца. – Будешь хорошей девочкой, я с тобой не только погуляю, но и загляну в кондитерскую, где ты сама выберешь себе пирожное.

С минуту выждав и прижимаясь в этом ожидании к стене, мадам Вольф на цыпочках спустилась обратно, после чего нажала на звонок в квартиру номер пять.

– А, это вы, – открыла ей Эльза Тоомас.

– Доброе утро, – шёпотом поздоровалась мадам. – Я лишь хотела любопытствовать, заходил ли к вам вчера этот неприятный следователь?

– Заходил! – импульсивно подтвердила соседка.

Она вышла встречать гостью в домашнем платье, поверх которого был повязан передник с аппликацией в виде множества желтых и оранжевых бабочек разного калибра.

– И задавал такие вопросы! Вы не представляете! Оказывается, Матильда умерла от крысиного яда! А мы то тут причем? Я и Линда?! Мы же были подругами! Все втроем! Он намекал на мой клубничный пирог! А я сама, вот этими вот руками испекла его, с душой, старалась. Этот ваш следователь не просто намекал, а в открытую спрашивал, не подсыпала ли я чего туда по ошибке! Они забрали мои продукты! Муку, сахар, обыскали все полки, рыскали, как собаки!

На этом слове взгляд разгневанной Тоомас наткнулся на хитрую мордочку Кикки, торчавшую почти из подмышки Эрнестины Вольф, которая, в свою очередь, опять навестила уши. Она все еще стояла на лестнице, а за соседней дверью раздались шаги – не иначе Алена уже услышала их разговор.

– Эльза, позвольте, я войду, – впопыхах сказав это, мадам шагнула в квартиру номер пять и резко захлопнула за собой дверь, удивив этим соседку. – Там моя дочь, – прошептала она в свое оправдание.

– Дочь, которая называет вас «мадам»? – Эльза сняла с переносицы очки и протерла их фартуком.

– Не родная. Это дочь мужа.

– Ага, то-то вы не очень-то похожи.

– А вы наблюдательны, – вымученно выдавила Вольф. – Ходит за мной, следит, из дома не выпускает. Вот, еле с собакой отпросилась погулять. Наверное, – мадам прислушалась, приложив ухо к двери, – у Матильды похожие отношения с дочерью были? Ну, я в том плане, что она взрослая, не замужем...

– У Матильды? Нет, перестаньте. Уж не знаю, что там с вашей происходит, а Матильда с Ниной жили душа в душу. В семействе Турунен никогда не было мужчин. Так уж получилось. Матильду ее... хахаль, уж не помню, как его звали, от него только фотография над ее кроватью осталась, бросил ее беременную. Красивый был, ничего не скажешь. Работал на нашем швейном предприятии какое-то время директором. Но уволили его. За то, что ни одной юбки мимо не пропускал. Только все девчонки наши с мозгами были, одна Матильда понесла. Ну естественно, дочь он не признал, уволился и был таков! А Нине и самой, поди, уже сорок лет. Сорок два. У нее был выкидыш, лет двадцать обратно. Тяжело переживала девка, с тех пор мужчин не жалует в своей жизни. Мать Нина любила очень. В театр они постоянно ходили, на концерты, в поездки заграничные ездили. Со всеми праздниками дочь ее поздравляла, во время наших посиделок всегда из дома уходила, чтобы не мешать. Вот и вчера...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.